

Спасо-Преображенская. Это предположение косвенно подтверждает поступок изгнанного из Киево-Печерского монастыря игумена Стефана, построившего по соседству обитель в честь чуда Богородицы во Влахерне.

Такое понимание процесса формирования иноческого комплекса на южной окраине Киева подтверждает история жизни и подвигов выдающихся представителей монашества. К ним, например, можно отнести Савву Освященного, последователи которого ещё при жизни учителя дали начало множеству монастырей и скитов, расположенных по соседству с Великой Лаврой в долине Кедрон. В таком контексте оценка деятельности Антония Печерского как «начальника в Руси чернческому житию»⁵⁵ приобретает совсем иное звучание: афонский пострижник был не просто учредителем самого авторитетного монастыря Древней Руси – Киево-Печерской обители, он стоял у истоков формирования «древнерусской Фиваиды».

⁵⁵ Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 377.

Освоение побережья Баренцева моря монастырями Поморья во второй половине XVI – XVII в.

Сергей Никонов

The developing of the Barents Sea coast by Pomorie monasteries in the second half of the sixteenth and seventeenth centuries

Sergey Nikonov (Murmansk Arctic State University, Russia)

В XIV–XVI вв. шли колонизация и хозяйственное освоение Русского Севера – региона, включавшего обширные территории современных Мурманской и Архангельской областей, республик Карелия и Коми, именовавшегося в источниках XVI–XVII вв. Поморьем. Участниками этого процесса были как различные категории свободного населения (прежде всего крестьяне), так и монастыри. В ходе колонизации здесь возникло порядка 76 обителей, большинство из которых были небольшими по количеству братии и масштабам хозяйственной деятельности¹.

Наличие выхода к северным морям, богатство рек и озёр, суровый климат определили специфику хозяйственного развития Поморья: ведущую роль игра-

© 2016 г. С.А. Никонов

¹ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне в России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 50–51; История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 173; Православие на Архангельской земле: XVII–XX вв. Архивные документы и исторические материалы: хрестоматия. Архангельск, 2005. С. 34–36; Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начало XX в.). М., 2009. С. 256–263; Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007. Географический указатель. С. 576–580.

ли промыслы рыбы и морского зверя, а также солеварение. Сельское хозяйство не имело большого значения для жизни местного населения, а в некоторых районах отсутствовало. В таких условиях происходило формирование и монастырского хозяйства. Исследователи, обращавшиеся к этой теме, значительное внимание уделяли таким отраслям хозяйства, как солеварение и торговля в северных городах – Архангельске, Тотьме, Вологде². Вместе с тем большую роль играли рыбные промыслы, в том числе в отдалённых незаселённых районах – на побережье Баренцева моря (Мурманский берег) и Новой Земле.

Данный аспект развития монастырского хозяйства Поморья, лишь фрагментарно отражённый в научной литературе³, тем не менее крайне важен для понимания его специфики. Во-первых, из-за отсутствия в приарктических районах постоянного населения здесь не могло возникнуть хозяйство вотчинного типа. Во-вторых, при освоении этих районов на первый план выходила такая форма крестьянской организации, как артель. В этой связи представляется актуальным выявить основные этапы и формы хозяйственной деятельности монастырей Поморья на Мурманском берегу – побережье Баренцева моря от Варангер-фьорда на западе (современная российско-норвежская граница) до мыса Святой нос на востоке.

С середины XVI в. там развивались рыбные промыслы, в которых участвовали выходцы из городов и волостей Поморья. Основными объектами добычи были треска, палтус и пикша, добывавшиеся сезонно – с апреля по август–сентябрь⁴. Местом жительства промышленников служили сезонные рыбацкие посёлки – становища. По данным писцовой книги Кольского уезда 1608–1611 гг., на Мурманском берегу существовало 51 становище⁵.

Побережье Баренцева моря делилось на два промысловых района – Западный Мурман (от Варангер-фьорда до западного побережья Кольского залива) и Восточный (от восточного побережья Кольского залива до мыса Святой нос)⁶. Западный Мурман, называвшийся Мурманским концом, служил местом промысла для жителей Кольского острога и уезда, Восточный, именуемый Русским концом, – для выходцев из Поморья.

² Савич А.А. Соловецкая вотчина в XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927; Розен Б.Е. Северная соль. Архангельск, 1957; Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978; Заозерская Е.И. У истоков крупного промышленного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970; Крайковский А.В. Торговля солью на Русском Севере в 1630-х–1650-х годах. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

³ Ефименко А.Я. Артели Архангельской губернии. Ч. II. Артели для лова рыбы // Сборник материалов об артелях в России. Вып. II. СПб., 1874. С. 3–12, 16, 20, 33–36; Савич А.А. Указ. соч. С. 90; Ульянов Н.И. Феодалная колонизация и экономика Мурман в XVII в. // Исторический сборник Академии наук. 1934. № 1. С. 101, 120; Пузырёв В.П. Паруса над Студеным морем. (Судостроение, промыслы и торговое судоходство на Белом море в XVIII в.). М., 1993. С. 73–77; Крайковский А.В. Промысел трески и палтуса на о. Кильдин в XVIII–XX вв. // Ушаковские чтения. Мурманск, 2004. С. 65–66.

⁴ Ушаков И.Ф. Кольская земля // Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 66–72.

⁵ Дзенисов Г.А., Коткин К.Я., Никонов С.А. Промысловые становища Мурманского берега в конце XVI–XVII в.: географическая локализация и территориальный состав промышленников // Комплексное исследование природы Шпицбергена и прилегающего шельфа: Материалы международной научной конференции (Мурманск, 6–8 ноября 2014 г.). Вып. 12. М., 2014. С. 68–72.

⁶ Ушаков И.Ф. Указ. соч. С. 69.

Уже на раннем этапе существования мурманского промысла в нём участвовали монастыри Поморья: по моим подсчётам, в XVI–XVIII вв. – 11 монастырей и одна духовная организация⁷. Наиболее полно сохранились документы мурманского промысла Николо-Корельского, Соловецкого и Крестного Онежского монастырей; фрагментарно прослеживается история мурманского промысла монастырей Кольского уезда – Троицкого Печенгского и Кандалакшского Пречистенского.

Самые ранние свидетельства об участии в мурманском промысле Николо-Корельской и Соловецкой обителей относятся ко второй половине XVI в. Монастырские прихода-расходные книги раскрывают характер их деятельности на Мурманском берегу. Соловецкий монастырь в 1570–1580-е гг. отряжал в волость Колу (с 1583 г. – Кольский острог) старцев, которым поручались различные хозяйственные дела: сдача в аренду товарных бочек и кней⁸ сальных, продажа ворвани и трески. Так, старец Варфоломей, находившийся в Коле в 1583 г., ведал организацией рыбных промыслов и вёл книги⁹. Аналогичные поручения выполняли и монастырские слуги. Николо-Корельская обитель уже в 1550-е гг. выдавала деньги на содержание покручников – рядовых работников мурманского промысла¹⁰.

Названные монастыри во второй половине XVI в. не имели собственных баз (станов) для ведения промысла, что может говорить о преимущественно коммерческом характере хозяйственной деятельности – покупке и продаже рыбы и рыбной продукции. Этому могли способствовать два фактора: развитие международного торгового дела на Мурманском берегу¹¹ и наличие в поморских волостях Кольского полуострова промыслового хозяйства обоих монастырей, ведших хозяйственную деятельность в Варзуге и Умбе – поморских волостях Терского берега. Это облегчало им проникновение на побережье Баренцева моря.

Устойчивое промысловое хозяйство на Мурманском берегу складывалось во второй половине XVI в. у местных монастырей – Троицкого Печенгского и Кандалакшского Пречистенского. Они вели собственный промысел в ряде становищ Западного Мурмана, а также на полуострове Рыбачий: Кандалакшский Пречистенский – на становищах Лавышево, Лок-наволоок, Лазарево, Гридино и Май-наволоок, Троицкий Печенгский – на становищах Лок-наволоок, Аникиево, Типуново¹².

⁷ Монастыри: Важского уезда – Сефтреньский; Двинского – Антониев-Сийский, Михайло-Архангельский, Николо-Корельский, Пертоминский, Соловецкий, Спасский Козьмеручьевский; Каргопольского – Крестный Онежский; Кольского – Петропавловский Кольский, Троицкий Печенгский, Кандалакшский Пречистенский; духовная организация – Холмогорский архиерейский дом.

⁸ Кнея – сосуд типа ведра или кувшина (Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 2. СПб., 2005. С. 58).

⁹ Прихода-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. М.; СПб., 2013. С. 129–130, 245.

¹⁰ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук. Кол. 115, № 934, л. 18 об.; № 935, л. 10 об., 37 об., 43 об., 58.

¹¹ Громыко М.М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI веке // Средние века. Вып. XVII. М., 1960. С. 225–256; Вальдман К.Н. Ценный источник о торговле англичан на Мурмане в XVI веке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 1. С. 23–31; Державин В.Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. С. 88–96.

¹² Никонов С.А. Промысловые становища Кандалакшского Пречистенского монастыря на Мурманском берегу во второй половине XVI – первой трети XVIII века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. № 7(112). 2010. Серия: Общественные и гумани-

До середины XVII в. участие Николо-Корельского монастыря в мурманском промысле развивалось на основе паевых (складнических) отношений с промышленниками Подвинья (Холмогор и прилегающих к ним волостей), что предполагало внесение доли в общее предприятие. Вложения составляли денежные и натуральные (продукты и орудия лова) средства, а также наём работника-покручника. Доля участника определялась понятием «участок» – объёмом вложений: чем большей она была, тем большим был и доход от промысла. На протяжении первой половины XVII в. доля обители составляла от одного до трёх участков¹³.

Включение Николо-Корельского монастыря в подобные предприятия было вызвано отсутствием собственных мореходных судов и мест ведения промысла (станов) на Мурманском берегу. Наиболее продолжительные контакты у монастыря сложились с промышленниками Д. Афанасьевым, П. Гречухой, А. Мачкой, В. Онтومانовым, С.Я. Русиновым, М.С. Шваревым, С. Шубным, Ф. Щербининым. Последний (Фёдор (Шестой) Щербинин) в документах Холмогорской таможни упоминается как владелец крупных мореходных судов и организатор промысла на Мурманском берегу¹⁴. Соловецкий монастырь в первой половине XVII в. не принимал участия в промысле, удовлетворяя потребности в мурманской рыбе за счёт покупки у промышленников¹⁵. Среди продавцов были вотчинные крестьяне монастыря, происходившие из селений Поморья, активно занятых в промысле: Кеми, Сумского острога, Сороки и других.

Новым этапом участия монастырей Поморья в мурманском промысле стала вторая половина XVII в., когда они приступили к его самостоятельной организации. Одним из первых самостоятельное хозяйство на Мурманском берегу организовал Соловецкий монастырь, о чём свидетельствует челобитная архимандрита Варфоломея. В 1660-е гг. монастырь переживал экономический кризис, вызванный передачей части его промысловых владений Крестному Онежскому монастырю, и столкнулся с нехваткой средств на приобретение в Архангельске трески и палтуса. Это и подтолкнуло монастырское руководство к развитию промысла на Мурманском берегу с 1664/65 г.¹⁶

В 1665 г. от посадских людей Колы обитель получила угодья на Восточном Мурмане¹⁷. В июле посадский человек И.Д. Москвин вкладом передал четверти в Териберской губе и реках Териберке и Орловке «с неводными и 3 гаровными месты», оборудованными для семужьей ловли¹⁸. Совладельцем угодий

тарные науки. С. 17–18; *он же*. Промысловые становища монастырей Поморья на Мурманском берегу в XVI–XVIII вв.: проблемы локализации // Живущие на Севере: альманах. Мурманск, 2012. С. 60–61.

¹³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 191, оп. 1, д. 69, л. 17; д. 74, л. 20 об.; д. 172, л. 36 об.–37; д. 198, л. 19 об.–20; д. 217, л. 31 об.; д. 218, л. 31 об.; д. 220, л. 28 об.–29; д. 331, л. 16; д. 378, л. 3 об., 8 об.; д. 383, л. 9–9 об.; д. 426, л. 3–4, 9; д. 434, л. 28; д. 451, л. 23 об.–24.

¹⁴ Государственный архив Мурманской области, ф. 87, оп. 1, д. 1, л. 92 об.

¹⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 214, л. 208 об.–209; д. 217, л. 101 об.–102.

¹⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1842. С. 359.

¹⁷ Савич А.А. Указ. соч. С. 90.

¹⁸ РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 7, д. 211 (1697 г.), л. 12. Ранее эти угодья принадлежали колянину Г.В. Мокроусову, который продал их И.Д. Москвину в январе 1640 г. (Там же, л. 12–13).

в Териберской губе был Троицкий Печенгский монастырь. В августе того же года посадский человек Колы Л.А. Вяззин вкладом передал реку Типуновку, которую ранее купил у саамов Кильдинского погоста – Пантелея Сидорова с сыном Романом и Савелия Павлова¹⁹. Все прибрежные реки и Териберская губа находились к востоку от острова Кильдин, где получил развитие монастырский промысел трески и палтуса. Таким образом, складывающееся на Мурманском берегу хозяйство Соловецкой обители носило комплексный характер, включая как прибрежный морской, так и речной лов рыбы.

Практически одновременно с Соловецким хозяйством на Мурманском берегу организовал Крестный Онежский монастырь. Основанный в 1656 г. по воле патриарха Никона, он первоначально пользовался поддержкой светской и церковной власти – получил богатые рыбные ловли в Кольском уезде, ранее принадлежавшие Антониев-Сийскому монастырю; кроме того, к этой обители был приписан и местный Троицкий Печенгский монастырь со всеми владениями²⁰. К 1658 г. относятся первые свидетельства организации Крестным монастырем промысла на Мурманском берегу²¹, что также было связано с содействием патриарха Никона. Патриаршая грамота, выданная в 1659 г. строителю Крестного монастыря Исаии, предписывала ежегодно отправлять на Мурманский берег две лодьи. Мурманский промысел не только был необходим самому монастырю, но и обеспечивал потребности патриаршего дома: добытую треску и сало тресковое следовало отправлять патриарху «в осень по первому зимнему пути»²².

Местом ведения промысла стало становище Гаврилово в районе Териберской губы (Восточный Мурман). Помимо добычи трески и палтуса в море, Крестным монастырем был организован и лов сёмги в прибрежных реках Харловке, Йоканьге, Арзине (Варзине), Золотой и ручьях Сидорове и Дроздове. Наиболее раннее упоминание о промысле монастыря на реках Мурмана относится к маю 1666 г., когда на реку Варзину были отпущены для промысла старец Дорофей и слуга Пётр Попугай²³. Происхождение этих владений монастыря пока остаётся неясным.

Несколько позже начал самостоятельный промысел на побережье Баренцева моря и Николо-Корельский монастырь. В промысловый сезон 1680 г. монастырь в качестве промысловой базы для своей артели использовал становище посадских людей Холмогор Михаила и Ивана Григорьевых детей Тестовых, название и местонахождение которого в источнике не раскрывается²⁴. У них же были арендованы и суда – лодья для перевозки рыбы и карбасы для ведения промысла²⁵. Уже в конце этого промыслового сезона монастырь купил становище на одном из островов группы Семь Островов, что отражено как в купчей грамоте, датированной 17 декабря 1680 г., так и в приходе-расходной книге 1680–1681 гг. казначея старца Сергия. Продавцами выступили промышленники Куростровской волости Я.Ф. Горшков и М.И. Пиминовых. Это становище

¹⁹ Там же, л. 12.

²⁰ Иванов В.И. Указ. соч. С. 127–128.

²¹ РГАДА, ф. 1195 (Онежский Крестный мужской монастырь (Архангельская губерния)), оп. 1, д. 1, л. 95.

²² Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 101.

²³ РГАДА, ф. 1195, оп. 1, д. 1, л. 67 об.–68.

²⁴ ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 714, л. 28 об.

²⁵ Там же.

не стало местом постоянного промысла монастыря: с конца XVII в. основной промысловой базой для монастыря являлось становище Шубино.

Проникновение монастырей Поморья на Мурманский берег было невозможным без инфраструктуры промыслового хозяйства. Под инфраструктурой нами понимается наличие хозяйственных структур, отвечающих за поддержание промысла и морских судов, без которых была бы невозможной транспортировка грузов (снастей, продуктов и т.п.) и добытой рыбы. Такими хозяйственными структурами стали службы: Сумская – Соловецкого монастыря, Усть-Онежская – Крестного Онежского монастыря, Холмогорская – Николо-Корельского монастыря. Две первые службы были вотчинными, третья – территориальной. Как обязанности этих служб были связаны с мурманским монастырским промыслом? Приказчики Усть-Онежской службы (старцы или волостные старосты) отвечали за обеспечение лодей с продовольствием (мука, крупы, рыба), солью для посола рыбы, материалами для судов и разных нужд (смола, гвозди, верёвки, мешки и рогожи и т.п.)²⁶; для поддержания судоходности лодей они выделяли лодейным старцам материалы (смола, пенька, железо) для смоления и починки судов. В обязанности приказчиков входила и подготовка снастей к промысловому сезону. Для этого они сами либо через приказных старцев промысла подражали мастеров или покупали готовые снасти на Холмогорах и в других местах²⁷. Снасти готовились загодя, перед самым началом сезона – в марте–мае, или уже после его окончания – в сентябре. Аналогичные функции были и у Сумской службы Соловецкого монастыря. Приказчики Холмогорской службы Николо-Корельского монастыря отвечали за отправку лодей на побережье Баренцева моря. Заботой приказчиков главным образом была закупка и последующая отправка съестных припасов и снастей на промысел²⁸.

Все три обители располагали своими судами. Вотчины и службы монастырского хозяйства находились в прибрежных районах Белого моря, сообщение с которыми поддерживалось преимущественно водным путём. В конце XVII – начале XVIII в. Соловецкий монастырь был одним из самых крупных судовладельцев Поморья. В 1698 г. для морских перевозок он использовал 35 различных типов судов²⁹. На Мурманский берег ходила лодья. О судах двух других монастырей известно меньше. Так, Николо-Корельский монастырь для мурманского промысла в 1680 г. приобрел лодью у холмогорца И.П. Амосова³⁰, которую использовали для транспортировки провианта, снастей и добытой рыбы. Промысловые суда Крестного Онежского монастыря (лодья и шнеки)

²⁶ РГАДА, ф. 1195, оп. 1, д. 180, л. 16 об., 21–21 об.; д. 185, л. 17–17 об., 26, 32; д. 203, л. 19, 26 об., 28 об.; д. 217, л. 22–22 об., 38 об.–39; д. 223, л. 22 об., 36; д. 251, л. 20 об., 27; д. 303, л. 17–17 об., 25, 34 об.; д. 319, л. 17–17 об., 36 об.; д. 332, л. 21 об., 42 об.; д. 341, л. 21–21 об., 39 об.–40; д. 353, л. 27–27 об., 36, 53–53 об., 60 об.; д. 362, л. 22–22 об., 42, 48; д. 380, л. 25 об., 31 об.; д. 397, л. 27, 48 об., 57; д. 413, л. 25 об., 30, 41 об.; д. 429, л. 23; д. 444, л. 28–28 об.; д. 455, л. 47; д. 468, л. 23, 30 об., 46; д. 485, л. 32, 64, 65 об.; д. 500, л. 27, 35 об., 55 об.–56; д. 512, л. 23 об., 30 об.; д. 531, л. 24, 31 об.; д. 594, л. 23 об., 29, 41 об.; д. 619, л. 24.

²⁷ Там же, д. 180, л. 29, 30; д. 185, л. 40; д. 203, л. 33; д. 217, л. 37–38 об.; д. 223, л. 14 об., 42 об.–43, 50 об.; д. 319, л. 36; д. 332, л. 42, 47 об.; д. 341, л. 39 об.–40 об., 43 об.; д. 353, л. 59–59 об.; д. 362, л. 41–41 об.; д. 380, л. 43–44 об., 45 об.–46, 49; д. 397, л. 49 об., 51; д. 413, л. 41–41 об.; д. 444, л. 27 об., 53–53 об., 57 об.; д. 468, л. 45, 45 об., 51; д. 485, л. 11 об.–12, 64 об.; д. 512, л. 8 об., 42; д. 531, л. 42; д. 576, л. 36 об.

²⁸ ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 400, л. 13 об.; д. 776, л. 3; д. 781, л. 13 об.; д. 796, л. 9; д. 813, л. 7; д. 829, л. 7; д. 844, л. 9; д. 977, л. 20 об.; д. 1002, л. 8 об.

²⁹ Пузырёв В.П. Указ. соч. С. 19.

³⁰ ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 727, л. 23 об.

Количество работников мурманских артелей монастырей Поморья

Год \ Монастырь	Соловецкий	Николо-Корельский	Крестный Онежский
1680	32	8	16
1681	32	—	16
1682	32	12	16
1683	32	8	20
1684	32	12	20
1685	24	8	20

Составлено по: ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 727, л. 25 об.; д. 777, л. 58; д. 789, л. 40; РГАДА, ф. 1195, оп. 1, д. 293, л. 7 об.; д. 306, л. 86, 117 об., 186, 324, 346, 362 об.; ф. 1201, д. 281, л. 31; д. 599, л. 124 об., 146 об., 169, 206, 243.

«местом приписки» имели Устье Онежское³¹. С побережья Онежской губы Белого моря лодья отправлялась на Мурманский берег.

Промыслом рыбы в станах монастырей Поморья занимались крестьянские артели. Артель можно рассматривать как форму трудовой кооперации работников и организатора, который мог быть непосредственным участником промысла. Основу экономических отношений артели и организатора промысла составлял «покрут» – система найма работника не за денежную плату, а за долю добычи³². Если организатор брал на себя все издержки производства (суда и снасти, питание промышленников), то работники-покрученики вкладывали свой труд. Добыча промысла делилась по третям: $\frac{2}{3}$ – организатору, $\frac{1}{3}$ – артели. Условия найма артели фиксировались в письменных договорах. Такой системы придерживались и монастыри Поморья.

В феврале–марте артели заключали договор с монастырями и отправлялись пешком на Мурманский берег. Путь артели Соловецкого монастыря начинался от Кеми, Крестного – с Устья Онежского, Николо-Корельского – с Двины. Численность монастырских артелей была разной (см. табл.).

Примерно таким же количественное соотношение работников артелей оставалось и в 1690-е гг. Наиболее крупные артели составлял Соловецкий монастырь, а самые небольшие – Николо-Корельский. Сопоставимыми по количеству работников с соловецкими были артели мурманского промысла Холмогорского архиерейского дома. В 1690-е гг. они насчитывали от 24 до 32 человек³³. Исходя из того, что на промысловом судне (карбасе или шнеке) трудились четверо работников (кормщик и трое покручеников), монастыри могли обеспечить выход в море: Соловецкий – 6–8 судов, Николо-Корельский – 2–3, Крестный Онежский – 4–5.

³¹ РГАДА, ф. 1195, оп. 1, д. 397, л. 51–51 об.

³² Данилевский Н.Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1862. С. 108–132; Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Кн. I. Архангельск, 1869. С. 112–133; Ефименко А.Я. Указ. соч. С. 3–20, 33–36; Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. СПб., 1877. С. 39–52; Гулевич Вл. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношениях. Архангельск, 1883. С. 57–77; Статистические исследования Мурманска. Т. I. Вып. I. Тресковый промысел. СПб., 1902. С. 13–28.

³³ Никонов С.А. Хозяйственное освоение Мурманского берега Кольского полуострова Холмогорским архиерейским домом на рубеже XVII–XVIII веков // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2012. Вып. 3. С. 28.

Источники комплектования артелей не полностью прослеживаются, особенно в случае с Соловецким и Крестным Онежским монастырями. Кормщиками мурманских артелей Соловецкого монастыря были выходцы из поморских селений Карельского и Поморского берегов Белого моря – Керети, Сумского острога, Сороки и Сухого Наволока³⁴ – вотчин Соловецкого монастыря. Кормщики Крестного Онежского монастыря происходили из Сумского острога, Матигорской, Мондинской и Мудьюжской волостей³⁵. Только две последние волости были вотчинами Крестного Онежского монастыря. Сумский острог был вотчиной Соловецкого монастыря, а Матигорская волость – чёрной крестьянской волостью Двинского уезда. Происхождение кормщиков мурманской артели Николо-Корельского монастыря было связано с волостями Подвинья: Богоявленским Ухтоостровом, Куростровом, Курейской, Костогорской, Койдокурской³⁶. Из того же района происходили покрученики – выходцы из Костогорской, Курейской, Куростровской, Матигорской, Ровдогорской, Чюхченемской волостей, Богоявленского Ухтоострова, деревни Мечки. О некоторых покручениках в источниках говорится как о вотчинных крестьянах Николо-Корельского монастыря³⁷. Следовательно, при формировании артелей монастыри использовали как вольный наём, так и вотчинные ресурсы.

Освоение побережья Баренцева моря монастырями Поморья было длительным процессом, занявшим не менее столетия – с середины XVI до второй половины XVII в., что было связано с отдалённостью и труднодоступностью мест промысла, а также с отсутствием там постоянного населения. Эти трудности, тем не менее, не стали препятствием для проникновения монастырей в этот район Крайнего Севера: очевидно, выгоды от промысла и торговли на Мурманском берегу в значительной степени окупали затраты. Устойчиво обосноваться на побережье Баренцева моря монастыри Поморья (исключая монастыри Кольского уезда) смогли только во второй половине XVII в.

Освоение побережья Баренцева моря способствовало и складыванию определённого типа монастырского хозяйства. Активную роль играли вотчинные и территориальные службы трёх монастырей, бравшие на себя функции обеспечения и поддержания связи с отдалённым местом промысла. Трудовую основу мурманского монастырского промысла составляла крестьянская артель, сохранявшая в системе монастырских мурманских промыслов свою внутреннюю структуру и значение основного производителя.

³⁴ РГАДА, ф. 1201 (Соловецкий мужской монастырь (Архангельская губерния)), оп. 1, д. 68, л. 101 об.; д. 271, л. 26; д. 351, л. 9, 18 об.; д. 599, л. 62 об., 124 об., 128.

³⁵ Там же, ф. 1195, оп. 1, д. 38, л. 9 об.; д. 41, л. 15; д. 41 а, л. 17; д. 192, л. 29 об.; д. 267, л. 35 об., 49.

³⁶ ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 826, л. 52 об.; д. 874, л. 65; д. 952, л. 8 об.; д. 988, л. 64.

³⁷ Там же, д. 1052, л. 2–4; д. 1078, л. 1–7; д. 1083, л. 1 об.; д. 2557, л. 4–5.